

Научная статья
УДК 330.14
DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1080

Peter Vladimirovich Arefyev
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Economic Theory,
Finance University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
parefev@fa.ru
ORCID: 0000-0002-3972-9996
SPIN-code: 4495-9559

Петр Владимирович Арефьев
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономической теории,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
parefev@fa.ru
ORCID: 0000-0002-3972-9996
SPIN-код: 4495-9559

ВЛИЯНИЕ РАЗРУШЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С ЕС И США НА ТРАНСФОРМАЦИЮ УЧАСТИЯ РОССИЙСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В ЦЕПОЧКАХ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

5.2.1 — Экономическая теория

Аннотация. Проблема зависимости от участия в цепочках создания добавленной стоимости для стран является ключевой в современном мире. Статья посвящена выявлению роли перестройки глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС) на изменение производства и потребления в условиях геополитической нестабильности. Методологическую основу работы составляют анализ актуальных научных публикаций. Кроме того, результаты статьи базируются на данных отечественной и международной статистики, годовых отчетах о состоянии экономического развития в России и за рубежом. Объект исследования — цепочки добавленной стоимости и ГЦДС. В статье выявлено, что в современных условиях, характеризующихся нарастанием геополитической напряженности и фундаментальными сдвигами в мировой экономике, проблематика развития цепочек добавленной стоимости в России приобретает особую актуальность. Введение масштабных экономических санкций против Российской Федерации, а также общая тенденция к фрагментации глобальной экономики создают беспрецедентные вызовы для российской экономической системы. В этих обстоятельствах Россия вынужде-

на кардинально пересматривать свою стратегию участия в ГЦДС, осуществлять переориентацию экономических связей в восточном направлении и интенсифицировать процессы импортозамещения. Дается объективная оценка места России в системе ГЦДС, включая анализ макроэкономических выгод и потерь от участия в глобальных производственных сетях. Особое внимание в статье уделено актуальным тенденциям, связанным с разрушением традиционных ГЦДС и необходимостью их перестройки. В этом контексте рассмотрены потенциальные преимущества и недостатки переориентации российских цепочек добавленной стоимости на восточные рынки, а также перспективы и ограничения стратегии импортозамещения. Результаты работы вносят вклад в развитие теории цепочек добавленной стоимости.

Ключевые слова: цепочки добавленной стоимости, глобальные цепочки добавленной стоимости, модель производства, технологический прогресс, оптимизация, экономические связи, санкции, экономическая система, ключевые отрасли, технологическая зависимость, инвестиции, импортозамещение

Для цитирования: Арефьев П. В. Влияние разрушения экономических связей с ЕС и США на трансформацию участия российских промышленных предприятий в цепочках добавленной стоимости // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 3(68). С. 114—120. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1080.

Original article

THE IMPACT OF THE DISRUPTION OF ECONOMIC TIES WITH THE EU AND USA ON THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN INDUSTRIAL ENTERPRISES' PARTICIPATION IN VALUE CHAINS

5.2.1. – Economic theory

Abstract. The problem of dependence on value chains participation for countries is a key one in the modern world. The article is devoted to identifying the role of the restructuring of global value chains in changing production and consumption in conditions of geopolitical instability. The methodological basis of the work is the analysis of current scientific publications. In addition, the results of the article are based on data from domestic and international statistics, annual reports on the state of economic development in Russia and abroad. The objects of research are value chains and global value chains

(GVCs). The article reveals that, in modern conditions characterized by increasing geopolitical tensions and fundamental shifts in the global economy, the problem of the development of value chains in Russia is becoming particularly relevant. The large-scale economic sanctions against the Russian Federation and the general trend towards fragmentation of the global economy create unprecedented challenges for the Russian economic system. In these circumstances, Russia is forced to radically revise its strategy of participation in GVCs, to reorient economic ties in the eastern direction and intensify import substitution

processes. An objective assessment of Russia's place in GVCs is given, including an analysis of the macroeconomic benefits and losses from participation in global production networks. Special attention is paid in the article to current trends related to the traditional global value chains disruption and the need for their restructuring. In this context, the potential advantages and disadvantages of the reorientation of Russian GVCs to Eastern

markets, as well as the prospects and limitations of the import substitution strategy, are considered. The results of the work contribute to the development of the theory of value chains.

Keywords: *value chains, global value chains, production model, technological progress, optimization, economic relations, sanctions, economic system, key industries, technological dependence, investments, import substitution*

For citation: Arefyev P. V. The impact of the disruption of economic ties with the EU and USA on the transformation of Russian industrial enterprises' participation in value chains. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2024;3(68):114—120. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1080.

Введение

Актуальность. В контексте глобальных экономических трансформаций последних десятилетий особую значимость приобретает исследование эволюции цепочек добавленной стоимости (далее — ЦДС) в Российской Федерации. Данная тема представляет собой многогранный объект анализа, охватывающий широкий спектр экономических аспектов развития страны. Необходимо отметить, что переход к постиндустриальной экономике, наблюдаемый с 1970-х гг., ознаменовал собой кардинальную трансформацию глобальных производственных процессов. В этот период традиционная модель внутристранового создания продукта начала уступать место концепции глобальных ЦДС (далее — ГЦДС). Данный феномен во многом был обусловлен стремительным ростом влияния транснациональных корпораций, которые, используя преимущества международного разделения труда и различия в экономических условиях разных стран, сформировали сложную систему глобального производства и распределения. В российском контексте постиндустриальный этап развития экономики де-факто начался после дезинтеграции Советского Союза. Этот период характеризовался масштабной деиндустриализацией, утратой значительной части производственного потенциала и необходимостью интеграции в уже сформировавшуюся систему ГЦДС. Процесс адаптации российской экономики к новым реалиям глобального рынка сопровождался множеством структурных проблем и вызовов, что обусловило специфику участия России в международных производственных сетях.

Изученность проблемы. Теоретико-методологическую основу исследования составляют труды ведущих отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблематике глобальных цепочек стоимости и участия в них трансформационных экономик. Данная тема рассматривается в контексте более широких вопросов интеграции страны в глобальную экономику, структурных трансформаций и модернизации национального хозяйства.

Среди российских ученых, внесших существенный вклад в изучение непосредственно ЦДС, следует отметить В. Б. Кондратьева [1], который в своей работе детально рассматривает теоретические основы формирования и функционирования глобальных цепочек создания стоимости, а также анализирует особенности их развития в условиях трансформации мировой экономики. Весомый вклад в разработку методологических аспектов анализа ЦДС вносят работы Т. А. Мешковой и Е. Я. Моисеичева [2], в которых авторы предлагают комплексный подход к оценке эффективности участия стран в глобальных производственных цепочках на основе показателей создания и распределения добавленной стоимости. Авторы анализируют мировые тенденции развития ГЦДС и оценивают перспективы повышения эффективности включения России в эти процессы. Н. В. Смородинская и Д. Д. Катюков [3] исследуют

влияние ГЦДС на национальные экономические системы и формулируют вызовы для российской экономической политики в данном контексте.

Эмпирический анализ участия России в ГЦДС представлен в работах Т. С. Наумовой и Е. И. Шакирзяновой [4]. Авторы рассматривают динамику и структуру вовлеченности страны в глобальные производственные сети, выявляют ключевые проблемы и ограничения. Е. В. Дробот и И. Н. Макаров [5] анализируют эффективность и угрозы экономической безопасности России в контексте участия в ГЦДС, в т. ч. с учетом влияния пандемии COVID-19. Особого внимания заслуживают исследования, посвященные трансформации российских цепочек стоимости в условиях геополитической напряженности и экономических санкций. А. Р. Саяпова и Р. Е. Ракоч [6] применяют концепцию глобальных цепей стоимости для количественного измерения изменений во внешнеэкономических связях России. Авторы оценивают масштабы потерь от разрыва кооперационных связей с недружественными странами и анализируют возможности переориентации на новые рынки.

Значительное внимание проблематике развития ЦДС уделяется и в работах зарубежных авторов. Основополагающее значение в данном контексте имеют труды Р. Каплински и М. Морриса [7], в которых разработана концептуальная основа анализа глобальных цепочек создания стоимости и предложена типология управления цепочками в зависимости от структуры рынка и характера взаимодействия между его участниками. Дальнейшее развитие методология исследования ЦДС получила в работах Г. Джереффи, Дж. Хамфри и Т. Стёрджена [8], которые предложили классификацию моделей управления цепочками на основе типа координации между звеньями и распределения властных полномочий.

Важный вклад в понимание роли развивающихся стран в глобальных производственных сетях вносит работа У. Табба [9], который анализирует процессы встраивания национальных производителей в международные цепочки создания стоимости и связанные с этим риски и возможности для экономического развития. Значительное внимание вопросам модернизации и повышения эффективности ЦДС уделяется в исследованиях О. Каттанео, Г. Джереффи и К. Старица [10], которые на примере отдельных отраслей глобальной экономики выявляют ключевые факторы конкурентоспособности производственных цепочек и направления их оптимизации.

Целесообразность разработки темы. Следует внести вклад в научное осмысление сложных и многоаспектных процессов трансформации ЦДС в России, а также способствовать выработке эффективных стратегий экономического развития страны в условиях меняющегося глобального ландшафта.

Цель исследования состоит в проведении объективной оценки места России в системе ЦДС и ГЦДС, включая анализ макроэкономических выгод и потерь от участия в глобальных производственных сетях.

Задачи: оценка макроэкономических эффектов участия России в ГЦДС, включая позитивное и негативное влияние на экономический рост, структуру экономики, конкурентоспособность и технологическое развитие, анализ трансформации российских ЦДС в условиях геополитической напряженности и экономических санкций последних лет, выявление перспектив и ограничений развития российских ЦДС в контексте политики импортозамещения и переориентации экономических связей на восточные рынки.

Научная новизна. В исследовании обоснована необходимость выработки принципиально новой стратегии интеграции России в систему международного разделения труда. Доказано, что ее центральным элементом должно стать формирование собственной устойчивой экосистемы ЦДС, основанной на внутренних источниках развития и взаимовыгодном партнерстве с дружественными странами. Реализация такой стратегии потребует проведения комплексной структурной политики, нацеленной на стимулирование несырьевого высокотехнологичного экспорта, масштабные инвестиции в НИОКР и инновации, углубление кооперации в рамках ЕАЭС и других интеграционных объединений с участием России.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и углублении научных представлений о специфике развития ЦДС в условиях трансформирующейся экономики.

Практическая значимость исследования состоит в формулировании рекомендаций по оптимизации стратегии участия России в ГЦДС и повышению эффективности национальной экономической политики в условиях глобальных вызовов.

Основная часть

Методы исследования. Методологической основой исследования служит комплексный подход, сочетающий в себе элементы исторического, экономического и политологического анализа. Используемый инструментарий включает в себя статистический анализ, сравнительный анализ, методы экономического моделирования, а также качественные методы исследования, такие как анализ документов и экспертные оценки.

Результаты и обсуждение исследования. Оценка участия России в ГЦДС при имеющейся статистической информации в открытых источниках не представляет большой сложности. Данное участие в целом имело как положительные, так и отрицательные макроэкономические эффекты. С одной стороны, включение в ГЦДС способствовало росту внешней торговли, притоку иностранных инвестиций, созданию рабочих мест в экспортно-ориентированных отраслях. Расширение импорта обеспечивало приток современных технологий и ноу-хау, повышало качество и конкурентоспособность отечественной продукции. Открытость экономики в целом являлась фактором экономического роста. Индекс открытости экономики России (доля внешнеторгового оборота в ВВП) в 2019 г. достигал 39,5 %, что выше аналогичных показателей Китая, США и Японии [5].

В целом же, позитивные эффекты можно обобщить в виде следующего списка:

1. *Рост экспортных доходов.* Благодаря интеграции в ГЦДС, прежде всего в сырьевых отраслях, Россия смогла существенно нарастить объемы экспорта. По данным ОЭСР, экспорт товаров и услуг из России вырос с 105,0 млрд долл. в 2000 г. до 527,3 млрд долл. в 2014 г.

2. *Повышение производительности труда в экспортноориентированных секторах.* Например, в нефтегазовой отрасли производительность труда в 2000—2014 гг. росла в среднем на 6 % в год [11].

3. *Рост занятости в отраслях, связанных с ГЦДС.* По оценкам ОЭСР, доля рабочих мест в России, связанных с участием в ГЦДС, выросла с 13,5 % в 1995 г. до 19,8 % в 2018 г.

4. *Трансфер технологий и компетенций в отдельных секторах.* Например, в автомобилестроении локализация производства иностранных брендов привела к модернизации всей отрасли.

Вместе с тем чрезмерная зависимость России от внешних рынков несла в себе существенные риски, что в полной мере проявилось в условиях геополитической напряженности 2014 г., а затем 2022 г. По оценкам, 16,5 % валового накопления основного капитала и 16,7 % добавленной стоимости в российской экономике напрямую связаны с конечным спросом недружественных стран [6]. Разрыв устоявшихся торгово-инвестиционных связей неизбежно влечет за собой потери как для России, так и для ее партнеров.

Сильное негативное влияние разрыва ГЦДС испытывает на себе российский импорт. Данное обстоятельство привело к возникновению перебоев с поставками и дефициту на полках магазинов целого ряда товарных позиций [12].

Экспорт России также оказался под ударом, главным образом из-за потери рынков недружественных стран. Особенно сильно пострадали такие глубоко интегрированные в ГЦДС сектора, как автомобилестроение, нефтехимия, металлургия, производство удобрений. Например, приостановка работы аммиакопровода в Одессу привела к сокращению экспорта и производства аммиака в Тольятти (данные РСПП, 2022).

Несмотря на это, экспорт товаров и услуг из России вырос с 105,0 млрд долл. в 2000 г. до 527,3 млрд долл. в 2014 г. (данные ОЭСР), что свидетельствует, в целом, о положительной динамике участия России в ГЦДС.

По разным отраслям доля иностранной добавленной стоимости в российском экспорте варьируется от 12,8 % в деревообработке до 34,5 % в автомобилестроении [6]. Это свидетельствует о том, что санкции создают высокие риски для технологического обновления экспортноориентированных производств.

В целом прямые потери добавленной стоимости и инвестиций от разрыва российских ГЦДС с недружественными странами оцениваются в 15—20 % [6]. Негативные эффекты затрагивают широкий круг макроэкономических параметров — от объемов производства и занятости до сальдо бюджета и платежного баланса. Под угрозой находятся тысячи рабочих мест, связанных с экспортно-импортными операциями. При этом Россия не может быстро перенаправить товарные потоки на альтернативные рынки из-за высокой специфичности производимой продукции, особенно в сфере машиностроения [13].

Наконец, одним из главных негативных эффектов участия России в ГЦДС является усиление сырьевой зависимости. Только доля топливно-энергетических товаров в экспорте России выросла с 42,5 % в 1995 г. до 63,8 % в 2018 г. (данные ОЭСР). Выгоды от участия в ГЦДС концентрируются преимущественно в сырьевых регионах и крупных городах, усиливая межрегиональное неравенство. Россия сталкивается с серьезными ограничениями в использовании импортных ресурсов для производства высококачественной экспортной продукции. Такая специализация мешает стране двигаться вверх по звеньям ЦДС, что особенно важно в контексте глобальной экономики [3].

Ограничения, накладываемые на импортные потоки, обусловлены как внешнеэкономическими факторами, так и внутренними структурными проблемами. В результате

ресурсы, экспортируемые из России, возвращаются в страну в виде готовых товаров с высокой наценкой. Это приводит к значительным экономическим потерям и снижает конкурентоспособность российской экономики на мировом рынке. Ситуация усугубляется существующими тарифными и нетарифными торговыми барьерами, которые создают дополнительные препятствия для интеграции России в глобальные цепочки создания стоимости [14]. Не случайно, по данным Европейской комиссии, Россия занимает первое место по количеству торговых барьеров (36), что значительно превышает показатели других стран [11] (см. рис.).

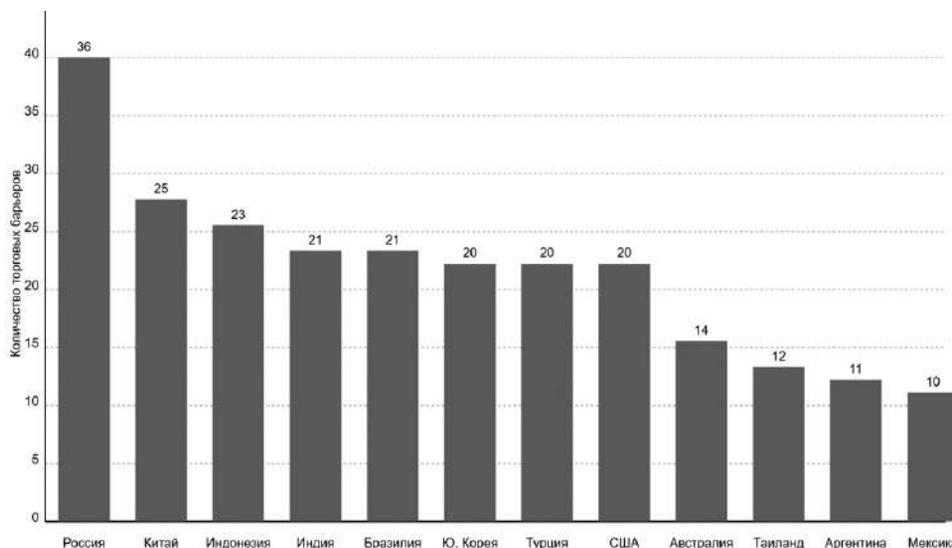

Рис. Количество торговых барьеров по странам (включая Россию) по данным Европейской комиссии

Ограничительные меры напрямую затронули ключевые отрасли российской экономики, вовлеченные в глобальные цепочки стоимости: энергетику, металлургию, химическую промышленность, автомобилестроение, авиастроение и др. Санкции предполагали запрет на экспорт в Россию широкого спектра высокотехнологичной продукции, разрыв производственных цепочек, уход иностранных компаний с российского рынка. Под ударом оказались как поставки конечной продукции на экспорт, так и импорт критически важных компонентов (станков, электроники, катализаторов и др.), без которых функционирование многих производств оказалось под вопросом [16].

Например, в автомобилестроении уход зарубежных партнеров и разрыв логистических цепочек привел к остановке конвейеров и падению выпуска автомобилей: в марте 2022 г. производство сократилось на 72,1 % в годовом выражении (данные РСПП). В нефтехимии возникли риски прерывания передачи технической информации от зарубежных лицензиаров, дефицит импортных катализаторов. В фармацевтике острой проблемой стали перебои с поставками зарубежных субстанций и других компонентов. В сфере гражданского авиастроения низкая локализация производства не позволяла осуществлять выпуск самолетов без зарубежных комплектующих, доля которых варьировалась от 50 до 100 % (данные РСПП).

Разрыв производственных цепочек привел к сжатию как экспортных, так и импортных потоков России, серьезно ударив по доходам бюджета и отдельных компаний. Новая геополитическая реальность потребовала ускоренного поиска альтернативных рынков сбыта и импорта в дружественных странах [17]. Наметился явный разворот российских экономических связей с Запада на Восток.

Таким образом, текущая модель участия России в ГЦДС, несмотря на ряд положительных эффектов, не способствует решению задач модернизации экономики и повышения ее конкурентоспособности на мировых рынках высокотехнологичной продукции. Кроме того, ужесточение санкций в 2022 г. в связи с началом специальной военной операции на территории Украины привело к беспрецедентному разрыву торгово-экономических связей России с традиционными партнерами, прежде всего с ЕС и США. Эти события стали серьезным вызовом для российских ГЦДС, потребовав их глубокой перестройки [15].

Главными партнерами России в новых условиях становятся Китай, Индия, Турция, ОАЭ, а также страны ЕАЭС, ШОС, БРИКС. Например, торговый оборот с Китаем в 2022 г. вырос на 30 % и превысил 190 млрд долл. Доля юаня во внешнеторговых расчетах выросла с 0,5 до 14 %. Активно переориентируются на восточное направление экспортные потоки нефти, газа, угля, удобрений и других сырьевых товаров. Новые логистические коридоры выстраиваются через Каспий, Турцию, российские порты.

Согласно открытым данным, в 2024 г. главными торговыми партнерами России стали следующие регионы, четыре из которых принадлежат к восточному направлению:

1. Китай — сохранил позицию крупнейшего торгового партнера России с рекордным товарооборотом в 240,1 млрд долл.
2. Индия — поднялась с пятого на второе место, увеличив товарооборот в 1,8 раза, до 64,9 млрд долл.
3. Турция — заняла третье место с товарооборотом 56,5 млрд долл.
4. Беларусь — оказалась на четвертом месте с товарооборотом около 55 млрд долл.
5. Казахстан — поднялся на пятое место с товарооборотом 26 млрд долл.

Важно отметить, что из топ-5 торговых партнеров России выбыли все западные страны, включая Германию, которая теперь находится лишь во второй пятерке. Более половины (51 %) всего товарооборота России пришлось на страны Азии, в то время как доля Европы сократилась до 23 %. Тогда как в 2014 г. по вкладу стран-партнеров в российский валовой экспорт по добавленной стоимости наибольшая доля принадлежала, после Китая, именно западным странам — Германии (6,46 %), Японии (5,53 %), Италии (5,16 %) и США (5,13 %) [11].

Однако возможности безболезненного перенаправления потоков в рамках ГЦДС на альтернативные рынки часто ограничены. Это связано с высокой специфичностью производимой продукции, проблемами сертификации, несовместимостью стандартов, длительностью выстраивания новых кооперационных цепочек, нехваткой компетенций. Многие компоненты, особенно в высокотехнологичных отраслях, просто невозможно заменить аналогами. На фоне внешних ограничений растет значимость импортозамещения и локализации производств на территории России. Однако политика импортозамещения пока демонстрирует неоднозначные результаты из-за высокой зависимости от импорта оборудования и технологий.

Полноценная технологическая независимость России в обозримом будущем представляется маловероятной. Более реалистичным сценарием выглядит частичное импортозамещение критически важных компонентов при сохранении кооперации с дружественными странами, обладающими необходимыми компетенциями и ресурсами. В этом контексте на первый план выходят задачи углубления интеграции в рамках ЕАЭС, развития связей по линии ШОС и БРИКС, выстраивания новых транспортно-логистических маршрутов.

Однако переориентация торгово-экономических связей на Восток и импортозамещение несут в себе и определенные риски. Среди них — усиление сырьевой зависимости экономики, потеря доступа к передовым западным технологиям и стандартам, снижение конкуренции и эффективности производства, рост затрат и цен в условиях закрытости рынков. Тесная привязка к Китаю чревата попаданием в технологическую и финансовую зависимость от этой страны [18].

В долгосрочной перспективе устойчивость российской экономики будет определяться способностью выстроить новую, более независимую и самодостаточную модель развития с опорой на внутренние драйверы роста и взаимовыгодные партнерства с дружественными странами. Это потребует кардинальной перестройки участия России в международном разделении труда, перехода от преимущественно сырьевой специализации к производству продукции с высокой добавленной стоимостью [19].

Нужно отметить, что новые геэкономические вызовы открывают перед Россией как возможности, так и риски с точки зрения дальнейшего позиционирования в глобальных и региональных цепочках стоимости. С одной стороны, курс на импортозамещение и привязку к восточным партнерам несет угрозу консервации отсталой структуры экономики, потери конкурентоспособности на мировых высокотехнологичных рынках. С другой стороны, при правильных стимулах политика импортозамещения может стать драйвером модернизации и инноваций, способствовать формированию новых точек роста и более устойчивому положению России в системе международного разделения труда.

Сущность политики импортозамещения заключается в замене импортируемых из других стран товаров и услуг товарами и услугами национального производства. Впервые данное понятие, как подчеркивается в научной литературе, было использовано в 1960-х гг. ООН и связывалось с протекционистскими методами регулирования [20]. Впоследствии отечественными исследователями было выделено два основных подхода к трактовке понятия «импортозамещение»: как рост производства внутри страны [20] и как ограничение импорта [21].

В текущих условиях импортозамещение в России реализуется по трем основным направлениям:

1. Развитие собственных производств товаров, ранее возвившихся из стран, введших санкционные ограничения. Это касается продукции машиностроения, станкостроения, электронной промышленности, легкой промышленности.

2. Переориентация импорта на альтернативных поставщиков из дружественных стран, прежде всего Китая, Турции, Индии и т. д. Так, наибольший прирост импорта в 2022 г. наблюдался из Турции (на 48,4 %), Китая (на 34,6 %), Республики Корея (на 8,7 %) (данные ФТС РФ).

3. Развитие параллельного импорта. Параллельный импорт предполагает ввоз в страну товаров, официально произведенных за рубежом для других рынков, минуя официальных импортеров и без согласия правообладателей.

Ключевым условием успешной трансформации российских ЦДС и ГЦДС является проведение комплексной структурной политики, нацеленной на рост несырьевого высокотехнологичного экспорта, снижение импортозависимости по критическим направлениям, стимулирование НИОКР и трансфера технологий, углубление кооперации в рамках ЕАЭС и других интеграционных объединений с участием России. Только через масштабные инвестиции в инновации, человеческий капитал и новые производства Россия сможет совершить реальный прорыв в глобальных цепочках стоимости [19].

Наиболее перспективными секторами для увеличения экспорта являются агропромышленный комплекс, ИТ-индустрия, машиностроение, фармацевтика, химическая промышленность, атомная и возобновляемая энергетика. Именно в этих отраслях у России имеются значимые конкурентные преимущества и возможности для расширения ниш на мировых рынках. При этом важно обеспечить продвижение экспорта вверх по ЦДС — от сырья и полуфабрикатов к продуктам глубокой переработки и интеллектуальным услугам.

В части импортозамещения центральной задачей является снижение критической зависимости от зарубежных компонентов и технологий в стратегических секторах. В первую очередь это касается таких отраслей, как микроэлектроника, станкостроение, авиастроение, фармацевтика, нефтегазовое машиностроение, семеноводство и др. [22]. В условиях геополитической напряженности Россия активно развивает экономические связи с восточными странами, включая страны Ближнего Востока и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Однако импортозамещение должно стать не самоцелью, а лишь этапом на пути к инновационной модернизации российской экономики. Принципиально важно связать импортозамещающие проекты с задачами развития экспорта, особенно высокотехнологичного. Для этого нужны новые инструменты промышленной политики — льготные займы, лизинг, экспортные субсидии инновационным компаниям. Развитие кооперации в высокотехнологичных отраслях со странами Востока требует выработки взаимовыгодных форматов разделения труда. Целесообразно наращивать встречные инвестиции в обрабатывающую промышленность, инфраструктуру, НИОКР. Особое внимание стоит уделить реализации кооперационных проектов со странами ЕАЭС в рамках импортозамещения и промышленной интеграции, опираясь на механизмы Евразийского банка развития. Для координации усилий бизнеса необходимы развитие долгосрочных контрактных отношений, создание консорциумов и альянсов, способных выстраивать полные производственные цепочки в России и ЕАЭС [23]. Конечная задача заключается в формировании собственных устойчивых систем генерации добавленной стоимости на базе внутреннего спроса и взаимодействия с дружественными

странами. Это потребует перестройки всей системы разделения труда, реформирования логистических маршрутов, создания новых финансовых инструментов и институтов развития. В результате изменится не только место России в международных цепочках стоимости, но и сам характер ее экономической модели, которая должна стать намного более самостоятельной, динамичной и технологичной.

Выводы

Проведенное исследование показало, что процесс интеграции России в ГЦДС имеет противоречивый характер. С одной стороны, участие в глобальных производственных сетях способствует росту экспортных доходов, притоку иностранных инвестиций и технологий, созданию новых рабочих мест в экспортно-ориентированных отраслях. С другой стороны, встраивание в ГЦДС происходит преимущественно за счет сырьевого экспорта и импорта готовой продукции, что консервирует неэффективную структуру экономики и усиливает ее уязвимость к внешним шокам.

Анализ макроэкономических эффектов участия России в ГЦДС выявил серьезные структурные дисбалансы и риски, связанные с чрезмерной зависимостью от внешних рынков и волатильности сырьевых цен. Геополитический кризис и введение антироссийских санкций со всей очевидностью продемонстрировали эти уязвимости, приведя к сжатию торговых потоков и разрыву многих производственных цепочек. Жесткие санкционные ограничения и уход западных партнеров фактически парализовали целые сегменты промышленности, критически зависимые от импортных компонентов и технологий. В этих условиях ускоренное импортозамещение и переориентация торгово-экономических связей на дружественные страны

Востока становятся для России безальтернативным сценарием адаптации к новой реальности.

Вместе с тем анализ перспектив трансформации российских ЦДС и ГЦДС в контексте политики импортозамещения и интеграции в восточные рыночные сети выявил серьезные ограничения и вызовы. Возможности быстрой и безболезненной локализации производств ограничены технологическим отставанием во многих стратегических отраслях, нехваткой компетенций и инвестиционных ресурсов. Переориентация на альтернативные рынки также сопряжена с высокими издержками и рисками из-за логистических барьеров, несовместимости стандартов, опасности попадания в новые зависимости.

Результаты исследования свидетельствуют о необходимости кардинального пересмотра стратегии участия России в международном разделении труда. Стране предстоит сформировать новую модель включения в систему ГЦДС, основанную на приоритетном развитии несырьевого высокотехнологичного экспорта, решении задач технологического суверенитета по критически важным направлениям, углублении интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и других объединений с участием дружественных государств.

Реализация такого стратегического маневра потребует мобилизации значительных ресурсов и проведения комплексной структурной политики, нацеленной на опережающее развитие науки и инноваций, модернизацию промышленности, создание собственной экосистемы технологических цепочек на основе внутреннего спроса и кооперации с партнерами по евразийскому континенту. Только через масштабные инвестиции в человеческий капитал и передовые производства Россия сможет обеспечить конкурентоспособность в новой конфигурации мирохозяйственных связей и успешно ответить на вызовы XXI в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кондратьев В. Б. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. С. 5—17.
2. Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я. Анализ глобальных цепочек создания стоимости: возможности форсайт-исследований // Форсайт. 2016. Т. 10. № 1. С. 69—82.
3. Смородинская Н. В., Катукон Д. Д. Влияние глобальных стоимостных цепочек на национальные экономические системы и вызовы для российской экономической политики // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С. 27—33.
4. Наумова Т. С., Шакирзянова Е. И. Участие России в глобальных цепочках создания добавленной стоимости // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 2. С. 363—366.
5. Дробот Е. В., Макаров И. Н. Россия в глобальной цепочке создания стоимости: эффективность и угрозы экономической безопасности в контексте COVID-19 // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4. № 3. С. 589—606. DOI: 10.18334/ecsec.4.3.111950.
6. Саяпова А. Р., Ракоч Р. Е. Концепция глобальных цепей стоимости в количественных измерениях российских внешнеэкономических связей // Проблемы прогнозирования. 2023. Т. 34. № 6. С. 180—192. DOI: 10.47711/0868-6351-201-180-192.
7. Kaplinsky R., Morris M. A Handbook for Value Chain Research. Brighton : Institute of Development Studies, 2001. 113 p.
8. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. The Governance of Global Value Chains // Review of International Political Economy. 2005. Vol. 12. No. 1. Pp. 78—104.
9. Tabb W. Economic Governance in the Age of Globalization. New York : Columbia University Press, 2004. 552 p.
10. Global Value Chains in a Postcrisis World: A Development Perspective / Eds. O. Cattaneo, G. Gereffi, C. Staritz. Washington, D.C. : The World Bank, 2010. 391 p.
11. Chernova V. Y., Zobov A. M., Starostin V. S., Butkovskaya G. V. Sustainable marketing communication strategies of Russian companies under the import substitution policy // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2017. Vol. 5. No. 2. Pp. 223—230. DOI: 10.9770/jesi.2017.5.2(5).
12. Арефьев П. В. Разрушение цепочек поставок и цепочек создания добавленной стоимости в результате санкционного противоборства. Проблемы и новые возможности для российских компаний // Управленческий учет. 2024. № 2. С. 13—18.
13. Арефьев П. В. Роль цепочек добавленной стоимости в обеспечении устойчивого развития при трансформации мирохозяйственной системы // Управленческий учет. 2024. № 1. С. 11—17.
14. Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России // Вестник Финансового университета. 2015. № 1(85). С. 83—96.
15. Арефьев П. В. Взаимосвязь формирования цепочек добавленной стоимости и роста промышленного производства в России // Управленческий учет. 2024. № 3. С. 24—30.

16. Арефьев П. В., Толкачев С. А. Российские отрасли химической, пищевой, целлюлозно-бумажной и легкой промышленности в глобальных цепочках стоимости // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 2. С. 49—63. DOI: 10.33051/2500-2325-2022-2-49-63.
17. Арефьев П. В. Глобальные цепочки стоимости между Россией и Белоруссией в новых геополитических условиях // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 60. С. 270—287. DOI: 10.17223/19988648/60/16.
18. Арефьев П. В. Изменение производственной модели под влиянием развития цепочек добавленной стоимости // Управленческий учет. 2024. № 3. С. 5—17.
19. Арефьев П. В. Построение новых глобальных цепочек стоимости в рамках ЕАЭС после событий 24 февраля 2022 года и их влияние на развитие человеческого капитала // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 11. С. 15—20. DOI: 10.18334/ce.16.11.116540.
20. Титова О. В., Восканян Н. А. Импортзамещение: понятие, сущность, особенности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 7(57). С. 105—110.
21. Волкодавова Е. В., Жабин А. П. Импортзамещение как фактор эффективности деятельности промышленного предприятия в условиях нестабильной экономической среды // Организатор производства. 2016. № 1(68). С. 54—60.
22. Арефьев П. В., Толкачев С. А., Тепляков А. Ю. Макроэкономическая эффективность интеграции высокотехнологичных отраслей в глобальные цепочки стоимости // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. № 6. С. 93—119. DOI: 10.38050/0130010520216.5.
23. Арефьев П. В. Развитие сетей поставок и создание новых цепочек добавленной стоимости на евразийском экономическом пространстве в условиях кризиса монополярной мирохозяйственной системы // Управленческий учет. 2024. № 2. С. 397—402.

REFERENCES

1. Kondrat'ev V. B. Modern economy as global value chain's network. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = MEMO Journal*. 2015;2:3—17. (In Russ.)
2. Meshkova T., Moiseichev E. Foresight Applications to the Analysis of Global Value Chains. *Forsait = Foresight and STI Governance*. 2016;10(1):69—82. (In Russ.)
3. Smorodinskaya N., Katukov D. The impact of global value chains on national economic systems and the challenges facing Russian economic policy. *Social Sciences*. 2017;48(4):45—51. DOI: 10.21557/SSC.50041059.
4. Naumova T. S., Shakirzyanova E. I. Russia's participation in global added value chains. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. 2018;7(2):363—366. (In Russ.)
5. Drobot E. V., Makarov I. N. Russia in the global value chain: efficiency and threats to economic security in the context of COVID-19. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2021;4(3):589—606. (In Russ.) DOI: 10.18334/ecsec.4.3.111950
6. Sayapova A. R., Rakoch R. E. Concept of Global Value Chains in Quantitative Measurements of Russian Foreign Economic Relations. *Problemy prognozirovaniya = Studies on Russian Economic Development*. 2023;34(6):180—192. (In Russ.) DOI: 10.47711/0868-6351-201-180-192.
7. Kaplinsky R., Morris M. A Handbook for Value Chain Research. Brighton, Institute of Development Studies, 2001. 113 p.
8. Gereffi G., Humphrey J., Sturgeon T. The Governance of Global Value Chains. *Review of International Political Economy*. 2005;12(1):78—104.
9. Tabb W. Economic Governance in the Age of Globalization. New York, Columbia University Press, 2004. 552 p.
10. Global Value Chains in a Postcrisis World: A Development Perspective. O. Cattaneo, G. Gereffi, C. Staritz (eds.). Washington, D.C., The World Bank, 2010. 391 p.
11. Chernova V. Y., Zobov A. M., Starostin V. S., Butkovskaya G. V. Sustainable marketing communication strategies of Russian companies under the import substitution policy. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2017;5(2):223—230. DOI: 10.9770/jesi.2017.5.2(5).
12. Arefyev P. V. The destruction of supply chains and value chains as a result of the sanctions confrontation. Challenges and new opportunities for Russian companies. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2024;2:13—18. (In Russ.)
13. Arefyev P. V. The role of value chains in ensuring sustainable development in the transformation of the global economic system. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2024;1:11—17. (In Russ.)
14. Meshkova T., Moiseichev E. Global value chains: world trends and the Russia's involvement. *Vestnik finansovogo universiteta = Bulletin of Financial University*. 2015;1:83—96. (In Russ.)
15. Arefyev P. V. The relationship between the formation of value chains and the growth of industrial production in Russia. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2024;3:24—30. (In Russ.)
16. Tolkahev S. A., Arefyev P. V. Russian chemical, food, pulp and paper and light industries in global value chains. *Problemy rynochnoi ekonomiki = Market economy problems*. 2022;2:49—63. (In Russ.) DOI: 10.33051/2500-2325-2022-2-49-63.
17. Arefyev P. V. Global value chains between Russia and Belarus in new geopolitical conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika = Tomsk State University Journal of Economics*. 2022;60:270—287. (In Russ.) DOI: 10.17223/19988648/60/16.
18. Arefyev P. V. Changing the production model under the influence of the development of value chains. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2024;3:5—17. (In Russ.)
19. Arefyev P. V. Building new global value chains within the EAEU after 24 February, 2022 and their impact on human capital development. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*. 2022;16(11):4565—4580. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.16.11.116540.
20. Tитова О. В., Восканян Н. А. Импорт замещение: понятие, сущность, особенности. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2021;7(57):105—110. (In Russ.)
21. Volkodavova E. V., Zhabin A. P. Import substitution as a factor of efficiency of industrial corporate activity in conditions of instable economic environment. *Organizator proizvodstva = Production manager*. 2016;1(68):54—60. (In Russ.)
22. Tolkahev S. A., Teplyakov A. Yu., Arefyev P. V. Macroeconomic efficiency of high-tech industries integration into the global value chains. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika = Moscow University Economics Bulletin*. 2021;6:93—119. (In Russ.) DOI: 10.38050/0130010520216.5.
23. Arefyev P. V. Development of supply chains and creation of new value chains in the eurasian economic space in the context of the crisis of the monopolar world economic system. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2024;2:397—402. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.06.2024; одобрена после рецензирования 05.08.2024; принята к публикации 12.08.2024.
The article was submitted 29.06.2024; approved after reviewing 05.08.2024; accepted for publication 12.08.2024.